

Когда долг вернет директор исключенного контрагента: аргументы для кредитора

04.08.2025

СТАТЬИ

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

*Долгое время исключение компании-должника из ЕГРЮЛ как недействующей было удобным способом уйти от выполнения обязательств, особенно для малого бизнеса. В 2016 г. законодатель попытался исправить ситуацию, введя субсидиарную ответственность контролирующих лиц. Однако до недавнего времени судебная практика Верховного Суда РФ фактически блокировала эту возможность, устанавливая для кредиторов почти непреодолимый стандарт доказывания. Перелом наступил лишь в 2024–2025 гг. Какие семь ключевых аргументов теперь помогут кредиторам привлекать к ответственности владельцев «компаний-призраков»? **Вадим Бородкин** разбирает новую стратегию защиты на*

основе свежих определений СКЭС ВС РФ.

Длительное время одним из популярных способов уклонения от исполнения договорных обязательств являлось создание оснований для принудительного исключения хозяйственного общества — должника из ЕГРЮЛ в порядке ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Данным способом преимущественно пользовались собственники малого бизнеса, для которых экономически проще было «бросить» компанию с долгом и создать новую для продолжения бизнеса. Такую ситуацию законодатель попытался изменить за счет принятия Федерального закона от 28.12.2016 № 488 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнившим статью 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» пунктом 3.1 о праве кредитора требовать привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника, если такие лица действовали недобросовестно или неразумно.

Однако в судебной практике, формировавшейся прежде всего на уровне гражданской и экономической коллегий Верховного Суда РФ до 2024 г., был установлен фактически неосуществимый для кредиторов стандарт доказывания условий для удовлетворения соответствующих требований.

Верховный Суд РФ всякий раз подчеркивал, что исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени, недостоверность данных реестра и т. п.), не препятствует привлечению контролирующего лица к ответственности за вред, причиненный кредиторам (ч. 3.1 ст. 3 Закона об ООО). И в то же время Верховный Суд делал оговорку, что для наступления указанной ответственности этого недостаточно. Более того, в судебных актах внимание акцентировалось на том, что если ответчик не сдавал финансовую и бухгалтерскую отчетность и это привело к исключению общества, то это еще не означает, что при сохранении у общества статуса юридического лица оно имело возможность

осуществить расчеты с кредитором, но уклонилось от исполнения денежного обязательства [1].

В позиции Верховного Суда РФ просматривались противоречие и поиск базового подхода к рассмотрению таких споров. Например, Верховный Суд РФ обращал внимание на возможность исходить из предположения о том, что виновные действия (бездействие) контролирующих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, если установлена недобросовестность поведения контролирующих лиц, но далее минимизировал эту презумпцию, указывая на недопустимость вменения субсидиарной ответственности с «попыткой обоснования наличия критериев недобросовестности в поведении ответчика», которые в действительности сводились к тому, что расчеты с кредиторами не были осуществлены до прекращения деятельности общества [2].

Также Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ в своих судебных актах обращала внимание на то, что в соответствии с п. 3 и 4 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» кредитор вправе представить мотивированное заявление, при получении которого регистрирующий орган не принимает решение об исключении недействующего юридического лица из реестра. Не подача такого заявления фактически ставилась СКГД ВС РФ в упрек кредитору [3].

Перелом в судебной практике наступил с принятием Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ Определения по делу «Крымдорстрой ЛТД» против Парфенова» [4], обязывающее ликвидировать бизнес: «закончил бизнес — убери за собой», на которое существенно повлияло Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П: «Вывод судов о том, что общество «Крымдорстрой ЛТД» не реализовало право на возражение по поводу ликвидации общества «ДРСУ-Крым» и это препятствует предъявлению требований к контролировавшему его лицу, несостоятелен. Кредитор не должен претерпевать неблагоприятные имущественные последствия того, что он не смог

помешать контролировавшим должника лицам «бросить бизнес» и уклониться тем самым от расчетов с ним. Непринятие кредитором мер против исключения юридического лица — должника из реестра не образует оснований для освобождения лица от ответственности или уменьшения ее размера (п. 1 ст. 404 и п. 2 ст. 1083 ГК РФ; п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве)».

Семь аргументов для взыскания долга с контролирующих лиц «компаний-призрака»

В силу фундаментального изменения Верховным Судом РФ вектора в судебной практике выделим семь базовых аргументов, которые могут быть использованы кредиторами для эффективной защиты своих интересов в рамках дела о привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего исключенное или фактически недееспособное юридическое лицо.

Аргумент 1. Участники бизнеса не исполнили свою обязанность добровольно ликвидировать юридическое лицо [\[5\]](#)

Закон не только дает право каждому свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской деятельности, в том числе через объединение и участие в хозяйственных обществах (ст. 2; ч. 1 ст. 30; ч. 1 ст. 34 Конституции РФ; ст. 50.1, 51 ГК РФ; ст. 11, 13 Закона об ООО), но и обязывает впоследствии ликвидировать созданное юридическое лицо в установленном порядке, гарантирующем помимо прочего соблюдение прав его кредиторов (ст. 61–64.1 ГК РФ; ст. 57 Закона об ООО). Правопорядок не поощряет «брошенный бизнес», и добросовестный участник хозяйственного общества, решивший прекратить осуществление предпринимательской деятельности через юридическое лицо, должен следовать принципу «закончил бизнес — уברי за собой».

Аргумент 2. Наличие стандартного перечня условий для ответственности ответчика — лица, контролирующего фактически недееспособное или исключенное из ЕГРЮЛ юридическое лицо.

В силу изначального неравенства возможностей по доказыванию у кредитора и контролирующего должника лица кредитор, обратившийся с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам исключенного или фактически недееспособного юридического лица, должен доказать:

наличие и размер имеющейся перед ним задолженности у юридического лица;

контроль над этим должником со стороны физического и (или) иного юридического лица (лиц), привлеченных в качестве ответчиков;

отсутствие содействия последних в предоставлении сведений о финансово-хозяйственной деятельности должника в необходимом объеме.

Дополнительно, если юридическое лицо не исключено из ЕГРЮЛ, но является «брошенным», кредитор также должен обосновать наличие у него признаков фактически недееспособного юридического лица.

Представление указанных доказательств ведет к возложению на ответчика обязанности по доказыванию обстоятельств, опровергающих наличие оснований для несения ими ответственности, поскольку сокрытие контролирующим лицом сведений о причинах неисполнения подконтрольным лицом денежного обязательства предполагает его интерес в укрывании собственных противоправных деяний, повлекших за собой невозможность погашения требований кредиторов.

Аргумент 3. Перераспределение бремени доказывания с отражением решения по данному вопросу в определении [\[6\]](#)

Согласно позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П, необращение контролирующих лиц в арбитражный суд с заявлением о признании подконтрольного хозяйственного общества банкротом, их нежелание финансировать соответствующие расходы, непринятие ими мер по воспрепятствованию исключения хозяйственного общества из государственного реестра при наличии подтвержденных судебными решениями долгов перед кредиторами свидетельствуют о намеренном пренебрежении контролируемыми лицами своими обязанностями. Стандарт разумного и добросовестного поведения в сфере корпоративных отношений предполагает в числе прочего аккумулирование и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства.

Если ответчик уклоняется от участия в судебных заседаниях, а также не раскрывает доказательств, опровергающих его статус контролирующего лица и иных обстоятельств, подлежащих установлению в рамках соответствующего спора, следует рассмотреть вопрос о перераспределении бремени доказывания, имея в виду неравенство в силу объективных причин процессуальных возможностей истца и ответчика, а также неосведомленность кредитора о конкретных доказательствах, необходимых для подтверждения оснований привлечения к субсидиарной ответственности [7].

Аргумент 4. Применение презумпции невозможности полного погашения требований кредитора, предусмотренное ст. 61.11 Закона о банкротстве [8]

Основанием для субсидиарной ответственности контролирующих лиц является доведение должника по основному обязательству до такого имущественного положения, при котором осуществление расчетов с кредиторами становится невозможным, при том что кредиторы оказываются лишены возможности удовлетворения своих требований в рамках процедуры ликвидации юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ как фактически недействующего, либо в процедуре банкротства.

Однако невозможность кредитора защитить свои интересы в банкротстве должника путем привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности из-за исключения должника из ЕГРЮЛ не может являться законным основанием для ограничения соответствующей ответственности для контролирующих лиц.

В этой связи кредиторы вправе ставить вопрос о привлечении таких лиц к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов по правилам п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО с применением презумпций, предусмотренных ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Указанный закон допускает установление невозможности погашения этих требований как через доказывание непосредственного причинения вреда контролирующим лицом, например путем совершения (одобрения) порочных сделок (подп. 1 п. 2 ст. 61.11), так и опосредованно через доказывание сокрытия следов причинения вреда (подп. 2 и 4 п. 2 ст. 61.11; Определения ВС РФ от 25.03.2024 № 303-ЭС23-26138; от 30.01.2020 № 305-ЭС18-14622(4, 5, 6); от 26.04.2024 № 305-ЭС23-29091).

Аргумент 5. Недобросовестность процессуального поведения приравнивается к недобросовестности в материальном смысле и доказывает наличие последней.

Кредиторы, прибегая к судебной защите своих имущественных прав, вправе рассчитывать на добросовестное поведение контролирующих должника лиц не только в материально-правовых, но и в процессуальных отношениях, на их содействие правосудию, на раскрытие информации о хозяйственной деятельности контролируемой организации, на предоставление документов и иных доказательств, необходимых для оценки судом наличия либо отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

Кредитор не обязан доказывать наличие у ответчика вины, также суд не может обязать кредитора опровергнуть отсутствие вины ответчика. Суд вправе исходить из предположения, что виновные действия (бездействие) контролирующих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, если установит

недобросовестность поведения контролирующих лиц в процессе, например при их отказе или уклонении от представления суду характеризующих хозяйственную деятельность должника доказательств, от дачи пояснений либо при явной неполноте таковых и если иное не будет следовать из обстоятельств дела.

Иное, то есть получение в деле по заявлению кредитора преимущества в виде освобождения от ответственности в результате недобросовестного процессуального поведения контролирующего должника лица, которое в силу своего положения способно оказывать существенное влияние на деятельность общества и обязано при возникновении признаков банкротства действовать с учетом интересов кредиторов, вступало бы в противоречие с принципом справедливости.

Аргумент 6. Новое юридическое лицо взамен исключенного (поставить перед судом вопрос об истребовании и оценке доказательств, связанных с экономическим состоянием нового юрлица)[\[9\]](#)

Сам по себе факт создания нового бизнеса не является незаконным, но может быть признан судом недостаточным для квалификации поведения участника исключенного из ЕГРЮЛ общества как недобросовестного. Необходимо провести оценку экономического содержания соответствующих процессов.

Если ответчиком будут представлены доказательства совершения им действий, направленных на погашение задолженности общества, в том числе путем принятия на себя кредитных обязательств, а также доказательства того, что деятельность вновь созданного юридического лица является убыточной, в удовлетворении иска будет отказано.

Аргумент 7. Аномальность поведения ответчика и игнорирование им самостоятельности подконтрольного ему юридического лица [\[10\]](#)

Если привлекаемый к ответственности ответчик, являвшийся участником исключенного общества, укажет, что в действительности не знал о положении дел в компании, и заявит о

виновности генерального директора, необходимо будет оценить, насколько разумно вел себя такой участник: когда он узнал об исключении юридического лица; на какие причины, обосновывающие свое бездействие, сослался; обращался ли в правоохранительные органы против генерального директора и пр. После оценки его поведения на предмет аномальности, то есть очевидной неразумности, можно будет сделать вывод о том, может ли этот участник быть привлечен к субсидиарной ответственности.

Кроме того, участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их «продолжением» (*alter ego*), в частности когда самим участником допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества (например, использование участником банковских счетов юридического лица для проведения расчетов со своими кредиторами), если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным. В подобной ситуации правопорядок относится к корпорации так же, как она сама относится к себе, игнорируя принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения.

В завершение следует отметить, что, несмотря на измененный вектор в практике Верховного Суда РФ, причин для полного освобождения кредитора от бремени доказывания нет. Привлечение контролировавшего лица к субсидиарной ответственности является важным вариантом защиты, но его эффективность во многом зависит от активности самого кредитора.

[1] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 30.01.2023 № 307-ЭС22-18671, Определение СКГД ВС РФ от 07.02.2023 № 18-КГ22-106-К4.

[2] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637.

[3] См.: Определения СКГД ВС РФ от 31.01.2023 № 18-КГ22-105-К4, от 21.05.2024 № 18-КГ24-14-К4.

[4]

См.: Определение СКЭС ВС РФ от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809.

[\[5\]](#) Определение СКЭС ВС РФ от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809.

[\[6\]](#) Определение СКЭС ВС РФ от 11.02.2025 № 307-ЭС24-18794.

[\[7\]](#) Нижестоящие суды не всегда переносят бремя доказывания на ответчиков, игнорирующих судебный процесс и заявленные требования. — См., например: Постановление АС Московского округа от 06.06.2025 по делу № А40-107738/2024.

[\[8\]](#) Определения СКЭС ВС РФ от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809; от 16.04.2025 № 305-ЭС-24042.

[\[9\]](#) Определение СКЭС ВС РФ от 19.12.2024 № 304-ЭС24-19908.

[\[10\]](#) Определения СКЭС ВС РФ от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637; от 25.04.2025 № 307-ЭС24-22013; Определение СКГД от 21.03.2023 № 5-КГ22-132-К2.

Вадим советник Orchards, адвокат, канд. юрид. наук, магистр частного
Бородкин права (РШЧП)

СТАТЬИ

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО